Сальков, А.П. Северный Эпир (Южная Албания): исторические корни конфликта к контактной зоне греческой «Мегалэ идэи» и идеи «Великой Албании» (середина XIX в. — 1921 г.) / А.П. Сальков // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. Вып. 5 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. — Мінск : БДУ, 2010. — С. 193-208.

А.П. Сальков

СЕВЕРНЫЙ ЭПИР (ЮЖНАЯ АЛБАНИЯ): ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ КОНФЛИКТА ВКОНТАКТНОЙ ЗОНЕ ГРЕЧЕСКОЙ «МЕГАЛЭ ИДЭИ» И ИДЕИ «ВЕЛИКОЙ АЛБАНИИ» (середина XIX в. — 1921 г.)

Северный Эпир (Южная Албания) — историческая область на балканском побережье Ионического моря с крупным портом Влёра и континентальными городами Корча, Тепелена, Гирокастра, Химара, Дель вина. Являлась предметом затяжного албаногреческого территориального спора, тесно связанного с развитием освободительной борьбы этих народов против османского владычества в условиях разновременного государственного строительства в Греции и Албании. Край отличался полиэтничным и многоконфессиональным населением. До 50 % оно состояло из православных — греков и албанцев. Поэтому Константинопольская патриархия традиционно использовала лозунг защиты православного населения от преследований мусульман. В 1894 г. патриарх

провозгласил, что все православные албанцы являются потомками греков. Эта идея стала широко использоваться для греческих претензий на Северный Эпир [1, л. 105, 107]. Значительная часть православных албанцев, особенно из южного племени тосков (проживали в междуречье Шкумбини и Вийосы), и сами считали себя греками [2, док. 9, с. 54]. Выдающийся сербский этнограф Йован Цвиич, который ввел в научный оборот понятие «метанастасические движения» (1922), говоря об албанском «метанастасисе» (греч. — переселение, выселение), выделил четыре «потока». Самой большой албанской миграцией он считал «поток тосков» — переселение православных албанцев Южной Албании и Эпира в Центральную Грецию и Пелопоннес [3, с. 315—316].

Эпир (Северо-Западная Греция) и Фессалия (соседняя историческая область к востоку от Эпира на балканском побережье Эгейского моря) входили в состав Янинского пашалыка (с 1864 г. — вилайета) Османской империи. По определению крупнейшего советского албаниста Г. А. Арша, «история Янинского пашалыка — это и история Албании, и история Эпира». Во второй половине XVIII в. общепринятого определения топонима «Албания» еще не существовало. Ряд авторов того времени южной границей Албании считал залив Арта (Амвракийский), то есть включал в состав ее территории весь Янинский пашалык. Однако были и такие, кто относил к Албании и еще более южную греческую территорию Акарнанию, то есть значительную часть Западной Греции. Албания подразделялась тогда на верхнюю (Иллирия) — к северу от Дурреса, что соответствует современному понятию «Албания», и нижнюю (Эпир) — к югу от Дурреса, что соответствует современному понятию «Эпир». Эпир же подразделялся на старый (к югу от прибрежного городка Химара) и новый (к северу от Химары). По наиболее правдоподобным оценкам, общая численность албанцев составляла к началу XIX в. 1 млн чел. Югозападная часть Эпира (ныне входит в грече скую провинцию Теспротия), с проживавшими там албанцами из племени чамов, составляет основную часть региона Чамерия. Населяли Эпир греки, чамы, влахи, евреи. Турецкое население было

немногочисленным и состояло из чиновников и потомков первых завоевателей [4, с. 4, 19—20, 22, 123].

В начале XIX в. янинским правителем был Алипаша Тепелена, албанец-мусульманин, предпринявший массовое переселение подвластных ему албанцев из внутренних областей Южной Албании на северо-греческие земли. В ходе феодальной войны с правителем Шкодерского пашалыка Алипаша в 1804 г. вместе с двором перебрался из Янины в

Тепелену. Сюда начали прибывать со всех концов албанцы, которых принимали на службу. Одновременно Алипаша начал готовиться к новой войне против феодалов Дельвины и Чамерии. Поэтому по его приказу греки, жившие вместе с чамами, вывозились в уже покорен ные им районы Албании, а на их место поселялись албанцы-мусульма не. Русская администрация на Ионических островах, в отличие от традиционной поддержки чамов, на этот раз не вмешивалась в дела Чамерии. Англия же побуждала Алипашу к войне против чамов с целью противодействовать Порте и России в данном регионе. Наполеон, заигрывая с Али пашой, обещал сделать его «королем Эпира», но тот опа сался французов. В 1806 г. Али паша неоднократно предлагал союз Рос сии, но в условиях начавшейся русско-турецкой войны 1806—1812 гг. арестовал российского консула в своих владениях. К 1812 г. в эти владения входила почти вся континентальная Греция (за исключением Беотии и Аттики), значительная часть Македонии и вся Южная Албания с общей численностью населения около 1,5 млн чел. Власть османского султана была здесь номинальной. Через дервишей Али паша распространял среди албанцев и греков «пророчество», что ему предназначено создать независимое албанское королевство. В «княжестве» Али паши был фактически осуществлен принцип веротерпимости, христиане занимали высокие посты при дворе [4, с. 222, 224, 230—234, 259—260, 269]. Сильный феодальный региональный правитель, Али паша Тепелена двадцать лет (он погиб в бою с турецким отрядом в 1822 г.) держал под контролем сложный полиэтничный регион. Именно в это время сложился ряд предпосылок этнотерриториального конфликта, не находившего урегулирования вплоть до середины XX в.

Русско-турецкая война 1828—1829 гг. завершилась Адрианопольским миром (14 сентября 1829 г.). Этот договор (ст. 10 была посвящена греческой проблеме) предопределил освобождение Греции. В феврале 1830 г. в Лондоне был подписан пятый (с 1827 г.) документ, касавшийся Греции. Этот протокол, наконец, признал ее независимость. Однако границы Греции, по выражению российского дипломата, были «скаредно сжаты» [5, с. 256—258, 275—276]. Лондонский протокол (21 июля 1832 г.), определивший их, включил в состав новогреческого государства лишь около 30 % континентальных и островных греков, оставив за пределами страны Эпир, Фессалию, Южную Македонию, Крит. По этому сверхценным внешнеполитическим идеалом Греции (с 40х гг. XIX в. и вплоть до военной катастрофы 1922 г. в Малой Азии), доминировавшим даже над интересами внутреннего развития, стала «Мегалэ

идэя» — Великая идея возрождения греческой нации на всех исторически греческих территориях в рамках державы, «охватывающей два континента и пять морей». Наиболее внятно она была сформулирована в 1844 г. Иоаннисом Коллетисом (кстати сказать, влахом по происхождению). Однако четкого изложения идеи панэллинизма не было дано греческими политиками никогда. Радикалы из их числа венцом «Мегалэ идэи» считали воссоздание Византии со столицей в Городе (так в греческой политической традиции

называют Константинополь). Реалисты ограничивались расширением границ Греции на север в Эпир, Фесалию и Македонию, а также на юг — на Додеканезские острова и Крит, с тем чтобы сделать Эгейское море «внутренним греческим озером» [6, с. 275—279; 7, с. 63—65].

Примерно в это же время появился первый политический документ албанского возрождения — «Энциклика». Он был связан с православным уроженцем Южной Албании Наумом Векильхарджи, который развивал идею единства албанского народа, имеющего свою территорию и язык, выступал против политики ассимиляции и эллинизации, проводившейся Портой и Константинопольской патриархией [7, с. 412]. Под имавшееся повстанческое антиосманское движение стало объединять все социальные и конфессиональные слои албанцев, этнические процессы у которых уже привели к утверждению общего эндоэтнонима и следованию эндогамии. Сход (кувенд) в с. Месаплик вблизи Влёры объявил в 1847 г. албанский народ равноправным и единым, неделимым на мусульман и христиан. Сформированная Албанская национальная лига, как союз представителей всей Южной Албании, возглавила движение гражданского неповиновения, а также вооруженное сопротивление османам. Отряды повстанцев даже овладели крепостью Берата и угрожали крепости Гирокастры. Однако полного единения албанского народа в этот период состояться еще не могло [8, с. 90—91, 109—110].

Крымская война (1853—1855 гг.) укрепила надежды Греции на национальное объединение. В январе 1854 г. началось антиосманское восстание в Эпире, в феврале — в Фессалии. Отряды греческих добровольцев вошли в эти области. Греция на данном этапе войны выступила фактически как союзник России, а позиция Петербурга о будущей судьбе Эпира создавала почву для военно-политического соглашения между Россией и Грецией. Однако вскоре Греция стала жертвой англо-французской военной интервенции и была вынуждена вывести свои части из Эпира и Фессалии [9, с. 286—292]. В период русско-турецкой войны 1877—1878 гг. в Янине состоялись тайные албано-греческие перегово-

ры (июль 1877 г.), выявившие кардинальные расхождения в вопросе о будущем устройстве Албании. Греки требовали присоединения к Греции Албании до р. Шкумбини, протекающей в центре страны. Албанцы же настаивали на признании своей независимости. Они соглашались на включение Эпира в состав Греции, но возражали против греческих претензий считать значительную территорию Южной Албании (до р. Семани) частью Эпира [10, с. 168—169]. По Сан-Стефанскому прелиминарному соглашению (3 марта 1878 г.) ряд территорий с преобладающим албанским населением должны были получить Болгария (по чти всю Македонию, включая район оз. Преспа с североэпирским го родом Корча), а также Сербия и Черногория. Однако даже по этому, весьма благоприятному для балканских народов соглашению весь Эпир и Фессалию планировалось оставить у Порты [11, с. 360—364].

Набиравшее к тому времени силу албанское национальное движение (современная албанская историография выделяет антиосманские восстания 30—40х гг. XIX в. в качестве начального этапа албанского национального Возрождения) отнеслось к этим проектам резко негативно. В косовском городе Призрен 10 июня 1878 г. начало работать всеалбанское учредительное собрание Албанской (Первой Призренс кой) лиги. Один из ее создателей Сами Фрашери сформулировал своего рода идеологемупентаграмму с ключевыми понятиями: вера, справедливость, нация, язык, Албания. Другой видный идеолог Пашко Васа уточнил: «религией албанца является шкиптаризм (шкиптар — само название албанцев, от глагола «шкиптой», то есть «говорить понятно, на нашем языке». — А. С.)». Делегаты Лиги приняли программу «Карарнаме» («Книга решений», написана на турецком языке), которая при всей своей умеренности включала пункты: «Борьба до

последней кап ли крови против какой-либо аннексии албанских территорий. Объединение всех населенных албанцами территорий в одну провинцию, управляемую турецким генерал-губернатором» [12, с. 216—217]. Обращает внимание, что программа была составлена от имени представителей «непобедимых героев Северной Албании, Эпира и Боснии» [2, док. 1, с. 41]. Современный албанский историк и политик Паскаль Милё считает, что Призренская лига явилась первой организованной формой албанского национализма и политической организацией типа паннациональной ассамблеи с представительством от всех территорий, исторически населенных албанцами [13, с. 135]. На наш взгляд, все это означало выдвижение «албанской идеи» (как идеи формирования политического и административного центра), которая вскоре обозначила за-

дачу суверенизации с последующей реализацией программы албанского ирредентизма. Специальный меморандум был адресован участникам Берлинского конгресса и дипломатическим представителям великих держав в Стамбуле, что послужило началом активной внешнеполитической деятельности албанских лидеров.

Пересмотревший сан-стефанские условия Берлинский конгресс (13 июня — 13 июля 1878 г.), решения которого были направлены на ограничение влияния России на Балканах, создал урезанное вассальное Княжество Болгарию, а Албанию, Эпир (включая район города Корча), Македонию и Фракию возвратил Порте. Берлинский трактат, кроме того, предполагал передачу Черногории городов Плав и Гусинье в горном массиве Проклетье на севере Албании со смешанным албано-славянским, а Греции — значительной части Эпира и Южной Фессалии, в том числе и районов с преобладающим албанским населением. Причем планируемое присоединение южноэпирского города Янина уже рассматривалось в Афинах в качестве первого этапа постепенной «эллинизации» всей Албании [11, с. 377—381, 388—395]. Что касается меморандума Призренской лиги, то он не возымел никакого действия. Албанские деятели не были приглашены к участию в европейском форуме, а албанский вопрос в качестве отдельного в его повестку дня включен не был. В Берлинском договоре не было упоминания о судьбе Албании. Более того, председательствующий на конгрессе германский канцлер О. Бисмарк произнес печально знаменитую фразу: «албанская нация не существует». На три десятилетия она стала важным геополитическим выводом, обусловившим рассмотрение Европой территорий с албанским населением лишь в качестве географического топонима. Летом 1879 г. даже султан отказался образовать единый албанский автономный вилайет именно со ссылкой на пункты Берлинского тракта та, а осенью 1880 г. заявил о полной неприемлемости подобного решения. Таким образом, Берлинский трактат, определивший основы государственно правового положения балканских народов на период вплоть до Первой мировой войны, не решил территориальных противоречий на Балканах. Внешнеполитические концепции всех балканских государств, основанные на содержании трактата, распространялись, в частности, на албанские и македонские земли [12, с. 217—219].

Вместе с тем позже (после образования Королевства сербов, хорватов и словенцев) в сербских источниках утвердилось мнение, что «сразу после Берлинского конгресса, и особенно после решения о передаче Плава и Гусинья тогдашней Черногории, родилась идея создания “Ве-

ликой Албании”, которая охватывала бы все области между тогдашней Черногорией, Сербией, Качаником и Греческим королевством (без Салоникского вилайета)».

Одновременно пришло и осознание, что, однажды возникнув, эта идея «уже не могла быть похоронена» [2, док. 42, с. 84].

Тем временем противодействие «несуществующей» нации дважды сорвало реализацию решений конгресса о разграничении Турции с Черногорией. Вооруженные отряды Призренской лиги в январе 1880 г. воспрепятствовали передаче под контроль Цетинья городов Плав и Гусинье, а в апреле — намеченных вместо них, горных округов Хот и Груда (к северу от Скадарского озера) с албанским католическим населением. Наконец, в ноябре 1880 г. вместо этих горных округов великие державы решили отдать Черногории портовый город Улцинь (Дульциньо). Для этого многочисленные турецкие силы штурмом овладели городом, выбив защищавший его албанский отряд из 500 бойцов, а 26 ноября передали Улцинь черногорским войскам [14, с. 132—136, 157—165].

Столкнувшись с решимостью албанцев отстаивать свои земли, Стамбул занял более жесткую позицию и в вопросе намеченного Берлинским трактатом греко-турецкого разграничения. Однако ряд попыток решить этот вопрос (на переговорах в Превезе, Константинополе, Бер лине) закончился провалом. Наконец, на Константинопольской конференции (март 1881 г.) Порта согласилась передать Греции всю Фессалию, а не только ее южную часть, решив при этом сохранить в своем составе большую часть Эпира, включая южноэпирский город Янину. Греко-турецкая конвенция (2 июля 1881 г.) лишь немного продвинула северную границу Греции к городу Арта. Албанские вооруженные от ряды в ответ перешли к активным боевым действиям против турецких войск, однако это привело в конце года к разгрому турками Первой Призренской лиги [10, с. 190—198]. Албанский вопрос, хотя и признавался Портой и Европой теоретически существующим, переместился до начала XX в. даже не на второй, а на третий план балканской поли тики, в центр которой выдвинулась проблема Крита.

Политические лозунги Младотурецкой революции 1908 г. быстро трансформировались в национализм. Доктрина же исламизма использовалась как идеологическое оружие в борьбе с освободительным движением других народов империи. Младотурки вели себя как каратели и в Албании [15, с. 85—86]. Новый этап в развитии албанского национального движения ознаменовали первые албанские конгрессы в Монастыре (Битоле, ноябрь 1908 г.), Дибре (Дебаре, июль 1909 г.), Эльба-

сане (сентябрь 1909 г.), а также антитурецкие восстания 1910—1912 гг. в Косовском вилайете [16, с. 146—150]. Албанцы поддержали создание Балканского союза, а в августе 1912 г. их лидер Исмаил Кемали даже обсуждал в Цетинье с черногорским королем Николой условия присоединения к этому антитурецкому блоку. Однако в ходе Первой Балканской войны (октябрь 1912 — май 1913 г.) положение резко изменилось. Политики и военачальники союзников рассматривали пребывание своих армий в Албании как оккупацию подлежащей разделу турецкой территории [17, с. 52]. В рамках этой войны разворачивались два крупных международных кризиса — Адриатический (связан со стремлением Сербии получить выход к морю через албанские земли) и Шкодринский (вылился в ожесточенные попытки Черногории захватить албанскую крепость Шкодру (Скадар, Скутари) и присоединить район Шкодринской Малесии). Поэтому вопрос о возможных границах Албании при вел к жарким дебатам среди великих держав. Австро-Венгрия (при поддержке Италии) выступала за более широкие границы, а Россия (при поддержке Франции) — за более узкие [12, с. 442]. В этой обстановке 28 ноября 1912 г. на Всеалбанском конгрессе во Влёре Исмаил Кемали провозгласил независимость Албании, первоначально никем непризнанную. Греция стремилась занять в ходе войны как можно больше территорий в Македонии и Эпире. 8 ноября ее войска взяли Битолю и Салоники, 3

декабря ее флот атаковал Влёру (но отступил под нажимом Вены и Рима), 5 марта 1913 г. после 4месячной осады греки взяли Янину [16, с. 238—242].

Сокрушительное поражение османской армии уже в начальной фазе Первой Балканской войны поставило на повестку дня пересмотр Берлинского трактата. Этот процесс проходил в рамках двух международных форумов, заседавших в Лондоне параллельно с декабря 1912 г. Пер вый их них — конференция участников Балканского союза по заключению мира с Турцией выработала 30 мая 1913 г. Лондонский договор. Он лишил Турцию в пользу союзников почти всех ее европейских владений, однако вопрос о греко-албанском разграничении передавался на усмотрение великих держав [18, с. 340]. Поскольку Греция уже овладела Яниной, это решение даже вызвало отказ премьер-министра Греции Элевтериоса Венизелоса, страстного сторонника идеи эллинизма, подписать договор, что за него сделали другие члены греческой делегации. Особенно жесткую позицию занимала Италия, не желавшая расширения за счет Албании греческой территории на север, что могло бы поставить под полный контроль Афин весь Корфский пролив между

греческим о. Керкира (Корфу — в первой половине XIX в. последовательно переходил в руки русских, французов, англичан; в годы Первой мировой войны был оккупирован Антантой; в 1923—1949 гг. — Италией) и спорным побережьем Северного Эпира [12, с. 493]. За спиной великих держав судьбу Албании пытались решать и ее соседи. Так, 19 мая 1913 г. в Салониках было подписано греко-сербское секретное соглашение о разделе сфер влияния на албанском Адриатическом побережье с разделительной линией по р. Семан, что установило бы греческое влияние в Южной Албании, но соглашение не вступило в силу [17, с. 58].

Второй форум — совещание послов шести великих держав (Англии, Австро-Венгрии, Германии, Италии, России, Франции) — заседал с декабря 1912 по июль 1913 г., причем главное внимание было уделено политическому статусу и границам Албании. Тем временем прошла скоротечная Вторая балканская (межсоюзническая) война (30 июня — 30 июля 1913 г.), заново переделившая освобожденные турецкие земли. Ее итоги подвел Бухарестский мир (10 августа 1913), увеличивший территорию Греции в два, а население в полтора раза, что стало для нее триумфом. В числе прочих земель Греция получила Южный Эпир с городами Янина, Игуменица, Арта, Превеза, а также Эгейскую Македонию [12, с. 466]. Так в границах Греции оказалась значительная часть албанской Чамерии.

Завершение Второй Балканской войны позволило великим держа вам заняться албанским урегулированием. 29 июля совещание послов определило статус Албанского государства (автономное суверенное княжество) под гарантией шести держав и надзором Международной контрольной комиссии (МКК), тем самым игнорируя провозглашение Албанией своей независимости в 1912 г. и начиная процесс с нуля [17, с. 58—59]. Территория государства сложилась как результат определенного компромисса. За Албанией сохранялись Шкодра и район Шкодринской Малесии, на которые претендовала Черногория. Однако в по рядке компенсации за это Албания лишалась обширных земель с албанским населением. Так, Черногория приобретала район городов Плав и Гусинье. Сербия же — Косово и Метохию, включая пограничное с Албанией плато Дукагин с городами Призрен, Джаковица, Печ [12, с. 444]. Получение этих трех метохийских городов вполне отвечало реализации «Начертания» (1844) — негласной программы расширения сербского государства, составленной Илией Гарашаниным под влиянием идей Адама Чарторыйского и носившей ясно выраженный антироссийский характер [19, с. 112—115]. Этот прирост касался, в частности, третьего

201

(из четырех) вектора сербской экспансии — через Северную Албанию к Улциню и Скадару с целью выйти к Адриатике [20, с. 148—149].

Необходимо иметь в виду, что Косово и Метохия — сербское приобретение, связанное с албанским урегулированием, составляло значи тельную часть историко-географической области Старая Сербия, при близительно равной Косовскому вилайету (в его границах 1878— 1912 гг.). Старая Сербия, включавшая также северо-западную Македонию (район Тетово), Новопазарский санджак (Рашку), Прешево, Буя новац, Пчине, составила единую политическую структурную пробле му, которая на протяжении уже двух веков порождает кризисные очаги сходного генезиса. Их причина в том, что в этническом смысле Старая Сербия уже с середины XIX в. не имела сербского (православного) боль шинства населения, которое к концу балканских войн составляло лишь 40 % [21, с. 5—10, 169]. Весьма важным был и характер восприятия про блемы в России. Как сообщал в 1912 г. российский консул в Монастыре (Битоле) А.М. Петряев, «албанцев Старой Сербии и Македонии... в громадном большинстве случаев надо рассматривать как потуреченных и албанизированных славян» [2, док. 15, с. 57]. Однако, по утвердившиеся в европейской историографии примерным оценкам, в 1913 г. в со став Албании вошла в лучшем случае лишь половина собственно албанских земель, если судить по численности проживавшего в Османской империи албанского населения и площади занимаемых им территорий [12, с. 451].

Южная граница Албании (албано-греческая), сохранившаяся до наших дней, была определена 17 декабря 1913 г. Флорентийским протоколом. Греция добивалась присоединения Северного Эпира (Южной Албании), основываясь на наличии там греческого населения и большом влиянии эллинской культуры на православных албанцев. Однако этот край переходил к Албании — она получала Корчу, имевший греческое меньшинство округ Гирокастра, а также выход к морю напротив Корфу. Греция же закрепила обладание Южным Эпиром, получив, таким образом, большую часть прибрежной Чамерии, населенной албанцами [10, с. 248]. Однако вопреки решениям великих держав, которые и без того руководствовались не национальным принципом, а стремлением избежать конфликта между двумя европейскими блоками, греческие войска оккупировали значительные территории Северного Эпира (греч. Вориос Эпирос). Они создали здесь одну из шести «локальных властей» молодого албанского государства, погрузившегося в состояние полного внутреннего хаоса.

202

28 февраля 1914 г. в Гирокастре была создана самопровозглашенная «Автономная республика Северного Эпира» во главе с бывшим мини стром иностранных дел Греции Г. Зографосом. 2 апреля в целях расширить границы «автономии» был инспирирован антиалбанский мятеж в Корче, вскоре подавленный албанцами. Вопрос об автономии захваченных греками районов вскоре был интернационализирован. 10— 17 мая на о. Корфу шли переговоры между МКК (страны Антанты и Тройственного союза были представлены в комиссии поровну) и эпи ротами во главе с Зографосом. В итоге Корфуский протокол предоставил двум южным провинциям — Гирокастре и Корче — ограниченную автономию в рамках Албании, что фактически означало создание в Се верном Эпире государства в государстве [22, с. 52—54]. Албанское правительство в Дуррессе (слав. Драч) после решительного давления великих держав 23 июня ратифицировало протокол. Эпироты же созвали 6 июля 1914 г. в г. Дельвине (провинция Гирокастра) для ратификации Корфуского протокола «панэпирский конгресс». Однако на нем они потребовали от МКК фактически узаконить отделение от Албании спор ной

провинции, а «эпиротские дружины» в начале июля перешли границу автономии и начали марш на север [17, с. 66—67]. Сараевские выстрелы к тому времени уже прозвучали.

Начало Первой мировой войны было отмечено воцарением в Албании полной анархии. Поэтому в различных геополитических планах, выдвигавшихся представителями враждебных блоков (Грецией, Турцией, Россией, Сербией), Албания, как переставшая быть государством, неизменно рассматривалась в качестве ничейной земли, которая под лежит разделу и может быть источником компенсации балканских государств за взаимные территориальные уступки. При этом вполне естественным представлялось получение Грецией Северного Эпира, а Италией — Влёры (итал. Валлона). Оба воюющих блока, желая расположить к себе нейтральные Грецию и Италию, прямо подталкивали их к захвату албанских территорий. 27 октября 1914 г. регулярные греческие войска вошли в Южную Албанию. Правительство «Автономной республики Северного Эпира», ставшее ненужной ширмой, было распущено. Началось фактическое объединение оккупированных районов с Грецией. В начале 1916 г. депутаты от «Северного Эпира» были включены в состав греческого парламента, Корча и Гирокастра королевским декретом присоединялись к Греческому государству [22, с. 127—131].

Вслед за греческими на албанской земле появились и итальянские оккупанты. Разворачивавшееся в то время крестьянское восстание ох-

ватило не только Центральную, но с лета 1914 г. — и Южную Албанию. Повстанцы объявили 16 декабря 1914 г. об объединении с Турцией (2 ноября она вступила в войну на стороне Германии). В этой обстановке Италия решила вмешаться в албанские дела. 25 декабря ее войска вы садились во Влёре (итал. Валлона). После длительных переговоров Италия подписала с державами Антанты 26 апреля 1915 г. Лондонский секретный договор об условиях своего вступления в мировую войну. Од ним из них была передача Италии Влёры с окрестностями и острова Сасено (Сазани), замыкавшего вход в бухту Влёры — этот стратегический комплекс именовался в Риме «Гибралтаром Адриатики». Лондонский договор 1915 г. допускал создание под протекторатом Италии не большого автономного государства в Центральной Албании с разделом ее южных и северных районов между Грецией, Черногорией и Сербией. Тем самым ликвидировались решения Лондонской конференции по слов 1913 г. о независимости и целостности Албании [17, с. 72—76]. Осенью 1916 г. греческие оккупационные силы в Южной Албании, которые поддерживали тяготевшего к Берлину короля Константиноса, были оттуда вытеснены французскими частями, двигавшимися из Македонии (заняли провинцию Корча), и итальянскими — из Влёры (установили контроль над провинцией Гирокастра). Фронт между армия ми Антанты и Центрального блока стабилизировался по линии городов Поградец (у южной оконечности Охридского озера) — Берат и да лее по нижнему течению р. Вьоса (впадает в Адриатическое море север нее Влёры). Эта линия сохранялась до конца войны, а сама оккупация продлилась до 1920 г. [10, с. 270].

Тем временем в Греции нарастал внутриполитический конфликт между германофилом королем Константиносом и антантофилом Э. Венизелосом. Страна практически разделилась на две части. Конфликт завершился тем, что Венизелос взял Афины и захватил власть. Король в июне 1917 г. отрекся от престола, а Греция была вовлечена в войну на стороне Антанты [23, с. 104—105]. Еще осенью 1916 г. Венизелос по слал в занятую французами Корчу своего наместника и батальон солдат, что вызвало нападения албанцев не только на греков, но и на французов. Французское командование удалило венезелистов из Корчи, а 10 декабря 1916 г. на месте греческой автономии создало албанскую — Автономную провинцию Корчи («Корчинскую республику»). Однако после вступления Греции в войну на стороне Антанты союзники стали

сочувственно относиться к ее притязаниям на Южную Албанию. Права автономии постоянно урезались, а 16 февраля 1918 г. она была вооб-

ще упразднена. Вся власть вновь перешла к французским оккупационным органам. Действия Франции вызывали недовольство Италии, стремившейся установить протекторат над всей Албанией. В апреле Рим даже просил у союзников разрешения на оккупацию Корчи. 25 декабря 1918 г. в Албании было создано проитальянское Временное правительство в Дурресе [17, с. 76—81].

Решение албанского вопроса на Парижской мирной конференции (январь 1919 — январь 1920 г.) отличалось экзотическими предложениями и тактикой закулисных сговоров. Албанская делегация, находившаяся в плену иллюзий в отношении самоопределенческих идей В. Вильсона, предлагала ввести на албанских землях, оставшихся за пре делами границ 1913 г., американскую администрацию на один-два года в целях подготовки плебисцита (этот проект был оставлен без внимания). Итальянский министр иностранных дел и греческий премьер министр заключили тайное «соглашение Титтони—Венизелос» (29 июля 1919 г.) об очередном плане раздела Албании (план стал известен и был скандально разоблачен в кругах албанской общественности). Секретный договор между итальянским и дурресским правительствами (20 августа) предполагал передачу власти в Албании итальянскому верховному комиссару. Меморандум США, Англии и Франции (9 декабря) подтверждал итальянский суверенитет над Влёрой, давал Риму мандат над остальной частью страны, переносил решение вопроса об албано-греческом разграничении на последующие консультации, причем Албанию на них должны были представлять итальянцы. Весть об очередном закулисном сговоре вызвала национальную консолидацию и актуализировала идею возрождения суверенной албанской государственности. Конгресс в Люшне, созванный 21 января 1920 г. (в день закрытия Па рижской мирной конференции), принял решение о свержении правительства в Дурресе, заявил о непризнании Лондонского договора 1915 г. о разделе Албании, отверг все сделки в Париже, перенес столицу в Тирану. Оккупационные зоны на юге страны почти полностью исчезли. Французские войска ушли из Корчи в мае 1920 г. Греция, втянувшаяся в трагическую для себя войну с кемалистской Турцией, от которой в гораздо большей степени зависела реализация «Мегалэ идэи» (в Малой Азии проживало 1,5 млн греков), не могла удерживать еще и Южную Албанию. Под греческим контролем остался лишь пограничный сельский район из 27 деревень. Только Италия продолжала контролировать Влёру с окрестностями и супрефектуру Тепелена к северу от Гирокаст ры. Выполняя программу конгресса в Люшне об изгнании иностран-

ных войск, албанские повстанцы начали 5 июня 1920 г. наступление на Влёру и уже 21 июня взяли Тепелену, создав через месяц реальную угрозу вооруженного захвата Влёры. Италия вынуждена была признать свое поражение. Однако и Албания пошла на уступку. Италоалбанский про токол, подписанный 2 августа в Тиране, предусматривал вывод всех итальянских войск из Албании (официальное восстановление албанской администрации во Влёре произошло 2 сентября), но за исключением о. Сасено [10, с. 279—284; 17, с. 83—93].

По Рапалльскому соглашению с Королевством СХС (12 ноября 1920 г.) Италия удерживала на восточном берегу Адриатики всю Истрию с Фиуме (Риекой), западную часть Кварнерского залива с островами Црес и Лошинь, стратегические пункты в Далмации и на Адриатическом море — г. Задар (Зару), о. Ластово и о. Палагружа [24, стр. 48—49; 25, str. 19—20]. Тем не менее «влёрская катастрофа», даже при условии

сохранения контроля над о. Сасено, разрушила концепцию «великой итальянской идеи» с Адриатическим морем в качестве «итальянского внутреннего озера».

Стремясь получить международное признание, Албания в октябре 1920 г. обратилась с просьбой о принятии ее в Лигу Наций. Однако Греция, Королевство СХС и Франция выступили с возражениями, требуя определить границы Албании. Только в декабре при небескорыстной поддержке Англии (Англо-персидская компания получила исключи тельные права на разведку и добычу нефти в стране) было оформлено албанское членство. Территориальный вопрос стал фактором и внутриполитической жизни. Накануне первых албанских выборов в парламент (Национальный совет), прошедших в апреле 1921 г., возникли проекты кантонального устройства страны по религиозному принципу. Главная роль принадлежала православной буржуазии Корчи, недовольной засильем помещиков-мусульман, но эти планы не получили развития. Официальное закрепление границ Албании произошло лишь 9 ноября 1921 г. на Лондонской конференции послов Англии, Франции, Италии и Японии. Албано-югославская граница была пересмотрена в пользу Белграда, который получил часть территорий Лики, Хаса и Голоборды. Албано-греческая граница устанавливалась в соответствии с Флорентийским протоколом 1913 г. За Римом признавались особые права вмешиваться в разрешение внешних и внутренних проблем Албании [17, с. 95—98]. Италия активно злоупотребляла этими правами в межвоенный период. В апреле 1939 г. она добилась включения Албании в состав своей фашистской империи на правах «личной унии», а в

октябре 1940 г. развязала с этого плацдарма войну против Греции, со бытия которой развивались на территории Северного Эпира. В результате нападения государств «оси» на Грецию и Югославию в апреле 1941 г. была создана так называемая «Великая Албания». Все это обусловило новое масштабное урегулирование в спорном регионе после Второй мировой войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив внешней политики РФ (АВПРФ). Фонд 067 (Референтура по Албании). Оп. 13. П. 103. Д. 13. — Материалы о положении в Албании.
2. Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Доку менты: в 3 т. М. : Индрик, 2006—2008 / Е. Ю. Гуськова (отв. ред.) [и др.]. Т. I: (1878—1997 гг.). 2006. 312 с.
3. Игнатьев, Р. Н. «Метанастасические движения», «культурные пояса» и «психи ческие типы» Йована Цвиича в связи с балканской модернизацией / Р. Н. Игнатьев // Человек на Балканах: социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX — середина XX в.): сб. ст. СПб. : Алетейя, 2007. С. 309—341.
4. Арш, Г. А. Албания и Эпир в конце XVIII — начале XIX в. (Западнобалканские пашалыки Османской империи) / Г. А. Арш. М. : Издво АН СССР, 1963. 367 с.
5. Международные отношения на Балканах. 1815—1830 гг. / отв. ред. В. Н. Виногра дов. М. : Наука, 1983. 295 с.
6. Ботсвейн, Т. Греция. История страны / Тим Ботсвейн, Колин Николсон. М. : Эк смо; СПб. : Митгард, 2007. 512 с.
7. Формирование национальных независимых государств на Балканах. Конец XVIII — 70е годы XIX в. / отв. ред. И. С. Достян. М. : Наука, 1986. 431 с.
8. Иванова, Ю. В. Албанцы и их соседи / Ю. В. Иванова. М. : Наука, 2006. 367 с.
9. Международные отношения на Балканах. 1830—1856 гг. / отв. ред. В. Н. Виногра дов. М. : Наука, 1990. 350 с.

10. Краткая история Албании: С древнейших времен до наших дней / отв. ред.
Г. А. Арш. М. : Наука, 1992. 512 с.
11. Международные отношения на Балканах. 1856—1878 гг. / отв. ред. В. Н. Виногра
дов. М. : Наука, 1986. 415 с.
12. В «пороховом погребе Европы». 1878—1914 гг. / В. Н. Виноградов, В. И. Косик
(отв. ред.) [и др.]. М. : Индрик, 2003. 537 с.
13. Милё, П. «Великая Албания»: фикция или реальность? / Паскаль Милё // Албан
ский фактор кризиса на Балканах: сб. науч. тр. и ст. / Е. Ю. Гуськова (отв. ред.) [и др.]. М. :РАН; ИНИОН, 2003. С. 133—155.
14. Сенкевич, И. Г. Албания в период Восточного кризиса (1875—1881 гг.) / И. Г. Сен
кевич. М. : Наука, 1965. 232 с.
15. Киреев, Н. Г. История Турции, XX век / Н. Г. Киреев. М. : ИВ РАН: Крафт+, 2007.
608 с.
16. Сенкевич, И. Г. Освободительное движение албанского народа в 1905—1912 гг. /
И. Г. Сенкевич. М. : Издво АН СССР, 1959. 262 с.
17. Смирнова, Н. Д. История Албании в XX веке / Н. Д. Смирнова. М. : Наука, 2003.
431 с.

18. История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века / А. В. Игна
тьев (отв. ред.) [и др.]. М. : Междунар. отношения, 1999. 672 с.
19. Кудрявцева, Е. П. Россия и Сербия в 30—40х годах XIX века / Е. П. Кудрявцева.
М. : Инт российской истории РАН, 2002. 253 с.
20. Никифоров, К. В. Сербия в середине XIX в. Начало деятельности по объединению сербских земель / К. В. Никифоров. М. : ИСБ РАН, 1995. 183 с.
21. Тимофеев, А. Ю. Крест, кинжал и книга: Старая Сербия в политике Белграда (1878—1912) / А. Ю. Тимофеев. СПб. : Алетейя, 2007. 240 с.
22. За балканскими фронтами Первой мировой войны / отв. ред. В. Н. Виноградов.
М. : Индрик, 2002. 504 с.
23. Улунян, Ар. А. Политическая история современной Греции. Конец XVIII — 90е гг.
XX в. / Ар. А. Улунян. М. : Инт всеобщей истории РАН, 1998. 331 с.
24. Историја српске државности: в 3 књ. / Ч. Попов (уредник). Нови Сад : Будућност, 2000—2001 // Димић, Љ. Књ. 3. Србија у Југославији / Љубодраг Димић. 2001. 472 с.
25. Povijest Hrvata: u 3 knj. Zagreb: Školska knjiga, 2003—2007. Knj. 3: Od 1918. do danas / glavni urednik Ivo Perić. 2007. 494 str.